

2016
январь
№1 (199)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

Лариса Воловик

ФИЛЬМ, О КОТОРОМ ЗАБЫЛИ

Более полувека назад, в 1966 году, на экраны СССР вышел фильм «Обыкновенный фашизм». Лента документальная: черно-белая хроника и такие же черно-белые фотографии, но, как ни странно, на нее выстраивались молчаливые очереди во многих городах страны. За первые одиннадцать месяцев проката картину посмотрели около двадцати миллионов человек.

Фильм не просто воссоздает прошлое. Это размышление о психологии тоталитарного общества, о взаимоотношениях личности и толпы, об искусстве тоталитаризма, в нем использованы трофейные материалы из киноархивов министерства пропаганды нацистской Германии и личного фотоархива Гитлера, многочисленные любительские снимки, обнаруженные у эсэсовцев, фотодокументы, свидетельствующие о преступлениях нацизма, и кадры, отражающие сегодняшний день мира. А за кадром звучит комментарий, написанный и читаемый самим Михаилом Роммом. И это, казалось бы, несоответствие спокойного голоса рассказчика и кадрами на экране производило большее впечатление, чем любые пафосные речи. Фильм был про фашизм — как он зарождался в Европе в одной из самых просвещенных стран того времени, как он сделал убицей миллионы людей и как уничтожил еще миллионы других людей (мирных, а не солдат воюющих армий)...

Михаил Ромм говорил: «Из огромного количества материала (в процессе работы авторы ленты отсмотрели около двух миллионов метров пленки!) мы отобрали то, что показалось нам самым поразительным, что даёт нам возможность вместе с вами поразмышлять...»

Фильм «Обыкновенный фашизм» произвел ошеломляющее впечатление не только тем, что люди впервые увидели уникальную хроника и документы, рассказывающие о преступлениях фашизма, но и тем, с какой спокойной и ироничной интонацией убедительно рассказывает об этой трагедии за кадром Михаил Ромм:

«Однажды Гитлер сказал: «Найдут где-нибудь череп и заявляют, что это — наш предок. Я утверждаю, что нашим предком неандерталец не был. Мы приходим прямо от древних греков». Вообще, пропорции черепа были важной составной частью расистской теории. Вот перед вами лектор, он показывает, где расположены правильные черепа, нор-

дические черепа, так сказать, истинно арийские, германские черепа. В одной руке у него правильный череп, а в другой — неправильный череп. Вот целый ряд людей с правильными черепами. А вот неправильный череп — Александр Сергеевич Пушкин, славянин, да еще с примесью негритянской крови. Или, например, Лев Толстой — ну, неправильный череп... И совсем уж никуда не годная голова у Эйнштейна — сразу бросается в глаза».

Фильм вышел через двадцать лет после того, как был повержен фашизм и казалось что он все же о прошлом. Но голос за кадром, который вдруг после паузы спокойно сообщал, что фашизм никуда не делся, он жив и будет жить, только изменил имя и обличье и поэтому надо уметь распознавать фашизм и бороться с ним, заставлял задуматься.

«Обыкновенный фашизм» превратился в документ эпохи. Режиссер Ромм подобрал из немецкой кинохроники гитлеровского времени кадры, поражающие сходством с советской реальностью. Фильм быстро исчез с экранов и долгие годы не демонстрировался вообще, а секретарь ЦК КПСС по идеологии М. А. Суслов сказал Ромму: «Михаил Ильич, почему мы вам так не нравимся?», усмотрев в фильме критику советского строя (М. Восленский «Номенклатура»).

Тысячи немцев признавали, что в голосе советского режиссера, который сам рассказывал за кадром, они не услышали неправды. На кинофестивале в Лейпциге аплодировали стоя.

В 1969 году соавторы сценария картины «Обыкновенный фашизм» (Михаил Ромм, Майя Туровская и Юрий Ханютин) по заказу издательства «Искусство» подготовили книгу для серии «Шедевры советского

кино». Книга была сдана в печать, но немедленно изъята из производственного плана издательства. На вопрос режиссера М. Ромма, почему про кино, которое посмотрели миллионы, нельзя выпустить книгу, которую прочтут тысячи, — цензор ответил, что миллионы посмотрят фильм и забудут, а тысячи книгу прочтут и начнут думать. Речь шла, конечно, об аналогиях, связанных не только со сталинским режимом, но и в целом с советской системой.

Книга, сверстанная создателями, все же вышла в питерском издательстве «Сеанс» (гл. редактор Люба Аркус) в прекрасном качестве небольшим тиражом спустя сорок лет после премьеры картины в СССР.

Создатели фильма «Обыкновенный фашизм» даже в самом страшном сне не могли предвидеть, что нацизм и ксенофобия станут вновь актуальной проблемой XXI века, и тем более, что идеи Третьего Рейха приживутся в стране, которая (вместе с другими) победила фашизм.

К Международному Дню памяти жертв Холокоста

Михаил Ильич Ромм, классик кинематографа, родился 24 января, ровно 115 лет назад.

Харьковский музей Холокоста проводит в этот день встречу, посвященную режиссеру и человеку Михаилу Ромму и фильму «Обыкновенный фашизм» (с демонстрацией фильма).

Виталий Портников

К ДРУЗЬЯМ-МОСКАЛЯМ

Удивительно, как неизвестно кем организованная кампания по «восстановлению» призрачного «братства» между двумя соседними народами, разделенными, как водится, плохими политиками, совпала с

эмоциональными вздохами российских журналистов и общественных деятелей, поддерживающих Украину в ее конфликте с Россией — и неожиданно для себя не понятых украинской аудиторией. Моя дорогая коллега Оля Романова удивляется реакции пользователей сети на ее искреннюю симпатию к украинцам, которых она по-прежнему считает одним народом с россиянами, — и именно поэтому возмущена братоубийственной войной. Популярный блогер Рустем Агадамов подтверждает: да, один народ, советский. Замечательный журналист Аркадий Бабченко удивляется, что его украинские читатели хотят видеть россиян — даже совершенно замечательных, даже абсолютно демократических — в качестве туристов, а не жителей своей страны. Бескомпромиссный блогер Саша

Сотник «прощается с Украиной» и обещает больше не докучать ее жителям — пока «не схлынет пена».

Дорогие мои, я мог бы прочесть вам длинную лекцию по истории. Мог бы сказать, что в школе вас обманули и что три столетия оккупации еще не делают оккупантов одним народом с оккупируемыми. И даже столетия относительно равноправного проживания — тоже не делают. Ведь англичане и шотландцы не один народ, правда? И кастильцы и каталонцы не один. И даже русские и татары, уж простите мне мою неполиткорректность, не один народ, хоть вы пока и живете вместе в одном государстве. Но спорить об истории с соседями — дело почти безнадежное; об этом свидетельствует не только наш опыт, но и опыт Европы.

Окончание на с. 4

ДАЙДАЖЖЕСТ.Е

ИМЕНА В ИСТОРИИ

Евгений Беркович

ШАЛОМ, ЛИБЕРТАД!

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением гитлеровской Германии на Польшу. Но сражения с фашистами велись задолго до этой даты: в Испании в 1936–1939 гг. шла Гражданская война. Против вооруженных сил Франко, Гитлера и Муссолини боролись испанские антифашисты и бойцы шести Интернациональных бригад, в том числе, более шести тысяч добровольцев-евреев, приехавших из многих стран мира. Только из маленькой Палестины прибыло свыше трехсот бойцов.

Еврейские бойцы Интернациональных бригад

Много евреев было и в руководстве Интернациональных бригад. Высокие посты занимали военный советник республиканского правительства генерал Григорий Штерн из СССР, командующий военно-воздушными силами генерал Яков Смушкевич, главный инженер ВВС полковник Зелиг Иоффе, создатель Второй Бригады имени Эрнста Тельмана и руководитель обороны Мадрида генерал Манфред Штерн, павший в Испании знаменитый писатель и военный деятель Мате Залка, генералы Юлиус Дейтч и командующий 129-й Интернациональной бригады Вацлав Комар, командир 13-й Бригады имени Домбровского полковник Хенрик Торунчик, а также подполковник Джон Гейте — самый высокий по рангу американец в испанских Интернациональных бригадах.

Первым интернациональным отрядом в Гражданскую войну стала «Группа Тельмана», в которой евреи составили большинство. Ее командирами были Макс Фридемманн и Хаим Бессер. Воевал в Испании и отдельный еврейский отряд «Ботвин», выпускавший фронтную газету и имевший собственное боевое знамя. В боях пали семь его командиров.

Судьбе двух бойцов Интернациональных бригад посвящены эти заметки.

По ком звонит колокол

Ирвинг Гофф родился в Нью-Йорке в 1900 году. Уже в молодости он стал членом коммунистической Лиги молодежи. Коммунизм юноша понимал как борьбу против антисемитизма, в ту пору широко распространенного в американском обществе. Ирвинг сменил множество профессий, перед отъездом работал даже акробатом в цирке.

В Испанию Гофф прибыл в числе первых американских добровольцев. Начав с простого солдата, он дослужился до капитана и принял командование автомобильным хозяйством 15-й Интернациональной бригады имени Авраама Линкольна. Однако эта должность была не по душе отчаянному храбрецу и сорвиголове, и он добился перевода в партизанский отряд. Название отряда — «Специальная бригада» — говорит само за себя: партизаны действовали за линией фронта, в тылу противника, взрывая по заданию республиканского командования мосты, пуская под откос эшелоны, совершая другие диверсионные акты. Отряд почти исключительно состоял из испанцев — (кроме Ирвинга в нем было еще только два американца — Билл Альто и Алекс Кунслих, еврей из Нью-Йорка).

После поражения республиканцев на Северном фронте 315 астурийских офицеров оказались в фашистском плену. Крепость Ла Кохуна, в которой их держали, считалась абсолютно неприступной: подобраться к ней можно было только по морю. Офицеров-республиканцев ждал расстрел, спасти их могло лишь чудо. Ирвинг Гофф был одним из тех, кто вызвался спасти пленников. Этим добровольцев назы-

вали смертниками — настолько ничтожны были шансы на успех.

Ночью группа из 35 человек на небольших лодках достигла Ла Кохуны и провела первую разведку местности. Вечером следующего дня партизаны неожиданно для врага напали на крепость, подавили сопротивление охраны, перерезали телефонные провода и освободили заключенных офицеров. Арсенал крепости оказался достаточно богатым, чтобы вооружить всех пленных.

Начался форсированный марш-бросок по территории, контролируемой фашистами. Через день освободители и освобожденные без единой потери перешли линию фронта и были с ликованием встречены товарищами по оружию.

Гофф покинул Испанию только в январе 1939 года, за два с небольшим месяца до окончания Гражданской войны. Он стал последним американцем, вернувшимся на родину с испанских фронтов. Долго оставаться дома Ирвингу не пришлось. В 1941 году он записался добровольцем в американскую армию: — фашизм наступал, а оставаться в стороне Гофф не мог.

Ирвинг Гофф закончил курсы парашютистов, сражался в Северной Африке, потом был направлен на итальянский фронт и стал сотрудником Организации разведки и диверсионной деятельности (OSS), которой руководил генерал Билл Donovan.

Гофф продолжал удивлять товарищей своей храбростью. Но начальство обходило бывших бойцов испанских интербригад при очередных повышениях в звании. Офицеры отряда OSS написали письмо генералу Donovanу, в котором были такие слова: «Наша честь офицеров и джентльменов не может смириться с тем, что сержанты Фельзен, Лоссовский и Гофф до сих пор не представлены к званию офицеров». Через несколько дней генерал Donovan построил свой отряд и торжественно вручил трем сержантам-евреям лейтенантские погоны и удостоверения.

Лейтенант Гофф принимал участие в высадке союзников в Сицилии. За короткое время были образованы 22 десантные группы, которым предстояло действовать в тылу врага. К сожалению, большинство десантников попали в руки немцев. Гофф руководил обучением и подготовкой нескольких групп. К чести Гоффа, ни одна из его групп не была потеряна.

Позже Гофф получил задание установить контакт с отрядами коммунистического антифашистского Сопротивления. Он успешно выполнил это задание — в руководстве отрядов было много бывших бойцов испанских Интернациональных бригад, боевых товарищей Ирвинга.

Лишь одному дерзкому плану не суждено было исполниться, о чем Ирвинг Гофф долго сожалел: он хотел захватить фельдмаршала Кессельринга и передать в руки союзников подобно тому, как Отто Скорцени, один из самых известных командиров спецподразделений нацистской Германии, осенью 1943 года освободил захваченного итальянскими партизанами бывшего диктатора Бенито Муссолини. Но разрешения начальства на эту рискованную операцию Гофф так и не получил.

Нью-йоркская еврейская газета несколько раз публиковала интервью с Ирвингом Гоффом — героем войны и любимцем читателей. Сложнее складывались его отношения с начальством.

Генерал Donovan неоднократно ходатайствовал о присвоении Гоффу звания капитана — звания, которое Ирвинг шесть лет тому назад уже имел в Испании. Но американское командование не забывало коммунистических убеждений Гоффа и независимого характера. Ирвинг Гофф так и не стал капитаном американской армии.

Не очень гладкими были отношения Гоффа с властями и после войны — в эру Маккарти он часто подвергался преследованиям и дискриминации.

... Мало кто из читателей знаменитого романа Эрнста Хемингуэя «По ком звонит колокол» знает, что у главного героя романа, американца Роберта Джордана был реальный прототип — еврейский доброволец Ирвинг Гофф из Бруклина.

Командир Джорджа Оруэлла

Беньямин Левинский родился в 1916 году в Варшаве. Мальчик рано осиротел и с 1925 года жил у бабушки в Париже. Когда подросток, начал работать скорняком. Война в Испании круто изменила его жизнь.

В июле 1936 года двадцатилетний Левинский нелегально приехал в Испанию, чтобы защищать Республику. Он записался в отряд коммунистической, но не сталинской

партии ПОУМ, в рядах которой были добровольцы из разных стран. После недолгого обучения Левинского послали на фронт. В октябре 1936 года он был в первый раз контужен, но скоро опять вернулся в строй. Левинский отличался не только поразительным бесстрашием в боях, но и недюжинными организаторскими способностями и к тому же свободно говорил по-каталонски. Неудивительно, что скоро он получил звание капитана и был назначен командиром отдельного отряда, в котором сражались многие иностранцы. Одним из его бойцов был англичанин Эрик Блэр.

Врагами партии ПОУМ оказались не только фашисты, сторонники генерала Франко. Сталин не мог смириться с существованием независимой от него коммунистической партии. Весной 1937 года на улицах Барселоны между отрядами различной коммунистической направленности произошли ожесточенные сражения. В результате многие бойцы ПОУМа оказались в советских лагерях, а сама партия была распущена.

Друзья посоветовали Левинскому сменить имя, чтобы избежать преследований верных Сталину спецслужб. Поэтому до самого роспуска Интернациональных бригад в октябре 1938 года Левинский воевал с фашистами под именем капитана Бернарда Лауно из Франции.

Когда разразилась Вторая мировая, Беньямин записался добровольцем во французскую армию, как будто не было у него за плечами двух с половиной лет войны в Испании. В феврале 1940 года он оказался сначала на сирийском, а потом на ливанском участках фронта. Но долго воевать в рядах французской армии ему не пришлось. Франция капитулировала перед Германией, и французские части на Ближнем Востоке оказались под командованием профашистского режима Виши. Однако добровольцы, имевшие опыт гражданской войны в Испании, стремились продолжить борьбу с нацизмом.

Левинский организовал дерзкий побег для группы бойцов на грузовиках через Сирию в Турцию. Но беглецов арестовали и заключили в лагерь. В лагере оказался радиоприемник, и в мае 1941 года Левинский вдруг услышал передачу на знакомом с детства языке идиш. Палестинская радиостанция сообщала, что верные генералу де Голлю отряды французской армии Освобождения вместе с британскими войсками продолжают борьбу с фашистами. Левинский и его боевой товарищ бежали из лагеря и через заснеженные горные вершины Хеврона добрались до

Ирвинг Гофф, 1945

Палестины. Беглецам потребовалась целая неделя, чтобы подняться на высоту 2825 метров над уровнем моря и затем спуститься в направлении Галилеи. Ночью они подошли к высокому забору, окружавшему один кибуц. Чтобы не вызвать переполох, Беньямин позвал охрану кибуца на идиш и сообщил, что он с другом бежал из заключения, чтобы примкнуть к отрядам союзников. Через минуту их радостно приветствовали еврейские поселенцы и поздравляли с успешным побегом.

На следующий день Левинский записался добровольцем в отряд французской армии Освобождения, расквартированный в местечке Кастина под Хайфой. Так он стал солдатом прославленной 13-й бригады Иностранного легиона, которая в 1940 году воевала в Норвегии и была потом направлена на Ближний Восток.

Много раз Левинский был на грани смерти. Однажды его спасло только чудо — рядом упала вражеская граната, но, к счастью, не разорвалась.

В начале 1942 года 13-я бригада вошла в состав 8-й английской армии и принимала участие в тяжелых боях против итальянской танковой дивизии «Ариетте» в ливийской пустыне. Позже бригада сражалась с африканским корпусом Роммеля.

Левинский оказался одним из немногих, кто остался в живых после кровопролитного боя с немцами под Бир Хакаймом. Успех в этом бою позволил одержать решающую победу союзников над немецкими войсками в Эль-Аламейне, после чего корпус Роммеля капитулировал. Эта победа сыграла важную роль в освобождении от фашизма Северной Африки и Южной Европы.

В августе 1944 года отряд Левинского был направлен для продолжения боевых действий на юг Франции. Войну Беньямин закончил в Ницце. Нелегко было опять привыкать к мирной жизни после восьми лет непрерывных сражений...

Только спустя 40 лет Беньямин Левинский узнал, что его бывший подчиненный в Испании по имени Блэр стал знаменитым на весь мир писателем Джорджем Оруэллом, который в книге «Моя Каталония» увековечил имя своего командира.

ЛЮДИ. СУДЬБЫ

Кирк Дуглас

ПОЧЕМУ НАДО БЫТЬ ЕВРЕЕМ

Я вырос в Нью-Йорке в бедной семье — мой отец был старьевщиком. Но в хедере я считался одним из лучших учеников, и наша община решила собрать нужную сумму денег, чтобы послать меня в иешиву учиться на раввина. Их желание пугало меня, ибо абсолютно не совпадало с моими устремлениями. К тому времени во мне уже окончательно созрела мечта стать актером. Поверьте, мне пришлось выдержать большой натиск и приложить много усилий, чтобы в конечном итоге доказать, что не каждому еврею обязательно становиться раввином. Переломным для меня стал момент, когда в четырнадцать лет я прочитал про Авраама и Исаака.

Эта история произвела на меня неизгладимое впечатление. Я отчетливо запомнил картинку в школьном учебнике — бородатый Авраам в одной руке сжимает увесистый нож, а в другой Исаака — маленького испуганного мальчика. В тот момент, когда я увидел иллюстрацию, выражение моего лица, наверное, напоминало выражение лица юного Исаака. Я был потрясен и испуган. Как мог ангел внушить Аврааму, что Б-г решил лишь испытать его? Ничего себе испытание! Эта картинка запечатлелась в моем сознании на долгое время. Когда я поступил в колледж, мое представление об иудаизме осталось на уровне представлений четырнадцатилетнего мальчика.

Разумеется, глупо делать выводы и принимать решения, основанные на опыте, который ты приобрел в столь юном возрасте. Разве можно жениться, исходя из представлений о любви, которые были у тебя в подростковый период? То же касается и религии. Многие из нас выстраивают свои отношения с религией именно таким образом — то есть, основываясь на своих детских представлениях. Я был в числе этих неразумных. Конечно, я всегда гордился своей принадлежностью к еврейству, даже когда получал от жизни удары, больно бившие по моему самолюбию. Например, однажды я пробовался в качестве актера в Еврейский театр в Нью-Йорке, и мне сказали, что если у них будет роль нациста, то меня пригласят.

Время от времени мистерия иудаизма вновь начинала меня притягивать. Но при этом слишком многое меня останавливало. Я, например, не представлял своего полноценного существования в общине среди бородатых людей в черных шляпах и с длинными пейсами.

Однако шло время, я вырос и менялся. Первым толчком к переменам был вопрос моего сына Михаэля о том, откуда происходит его дедушка. В этот момент я болезненно ощутил, насколько я мало знаю о своем происхождении и родословной. Все, кто мог бы рассказать мне об этом, уже умерли. Эта мысль буквально убивала меня. Я понял, что у меня нет предков! Может ли человек знать, кто он есть на самом деле, если ему не известно, кем были его предки? Я лежал в своей комнате и смотрел на стену над кроватью, где висела моя коллекция литографий Марка Шагала, библейская серия. Там были мои предки! Вот известная группа — Моше, Авраам, Иаков... Я стал читать о них, и чем больше я читал, тем больше во мне росло ощущение счастья. Счастья от возможности ощутить свою близость и родство с ними — изображенными на картинках. У всех этих библейских героев были проблемы. Каин убил Авеля. Иаков обманул своего отца. Казалось бы, мы видим грешников, однако эти библейские герои преодолели стоящие перед ними преграды и свершили великие дела.

Какое вдохновение может почерпнуть такой грешник, как я, в этих образах и связанных с ними событиях! Огромный груз свалился с моих плеч. Я был очень благодарен Шагалу за своевременное напоминание о том, какую блестящую родословную я имею. Затем я узнал некоторые подробности биографии художника. Оказалось, что Шагал — российский еврей, приехавший из белорусского Витебска, города, расположенного рядом с Могилевом, родным городом моих родителей (та самая черта оседлости, где разрешалось жить евреям). И мой отец, и Шагал покинули Россию. Шагал стал всемирно известным парижским художником. А мой отец

— старьевщиком в Нью-Йорке. Таланты евреев разнообразны.

Чем больше я изучал еврейскую историю, тем больше она пленяла и очаровывала меня. Каким было наше существование? Мы были рассеяны в различных уголках мира, среди чужеродных культур, и постоянно подвергались преследованиям. Наши гонители переживали взлеты и падения, мы же продолжали оставаться на своих позициях. Вавилоняне, персы, греки, римляне — все проходили, а мы оставались. И это — несмотря на все преследования. И тогда я начал думать, что мы должны быть благодарны за эту долгую жизнь в первую очередь нашим благочестивым людям — носящим черные шляпы, пейсы и бороды. Эти люди понимали что-то такое очень глубокое, чего никогда не знали светские люди, а если и знали, то забыли. Б-г дал нам Тору — и это сделало нас совестью мира. Я понял, что наши гонители всегда напомнят нам про это, даже в том случае, если мы сами забудем.

Вот что писал Гитлер в «Майн Кампф»: «Это верно, что немцы — варвары, и это является для нас почетным титулом. Я свободен от бремени души, от разрушающих страданий, создаваемых за счет фальшивого понятия, именуемого совестью. Евреи наделены двумя человеческими пороками: обрезанием своего тела и совестью своей души. И то и другое — сугубо еврейские изобретения. Борьба за власть над миром идет только между двумя лагерями, евреями и немцами».

Гитлер был прав, это, действительно, была борьба между добром и злом. Я стал осознавать, что значили эти качества для нас, евреев. Неудивительно, что некоторые евреи пытались спастись за счет ассимиляции. Но эта ассимиляция, в конечном итоге, всегда превращалась для них в западню. Перед приходом нацистов к власти ассимиляция евреев в Германии достигла наибольших размеров. Иудаизм в этих кругах был предан

Три поколения. Кирк Дуглас с сыном Майклом и внуком Диланом, отметившим бар-мицву в Иерусалиме у Стены Плача

забвению. Некоторые немецкие евреи — такие, как Гейне и Маркс, даже славились своим антисемитизмом. Но настали другие времена, и немцы, раскрывающие до времени широкие объятия еврейской ассимиляции, сомкнули их железным кольцом. И это не единственный пример в истории — таких примеров множество.

В 1492 году, в то время как Колумб открывал Америку, Торквемада предпринимал активные действия, чтобы избавить Испанию от евреев. Эти сведения были почерпнуты мною из Еврейской энциклопедии рабби Йосефа Телушкина. Я считаю, что эта книга должна быть в каждом доме. Возвращаясь к Испании... Ситуация данной эпохи очень напоминает ту ситуацию, которая спустя пятьсот лет имела место в Германии. Еврейская ассимиляция в Испании достигла невиданного размаха, евреи были видными, уважаемыми членами общества. Но Изабелла Кастильская с помощью святой инквизиции начинает гонения на евреев. Вопреки широко распространенному мнению, инквизиция была направлена не только против иудеев, но частично и против тех евреев, кто перешел в христианство.

Случайно ли то, что все наиболее тяжкие события в еврейской жизни происходят тогда, когда мы отказываемся от иудаизма? Возможно, Б-г таким образом хочет сказать нам что-то важное? Я начинаю думать именно так.

Как бы ни складывалась моя жизнь, всегда оставалась нить, связывавшая меня с иудаизмом, — Йом-Кипур. Это был единственный день из прочих, знаменательных для евреев, который я отмечал. Было что-то пугающее для меня в образе Золотой Книги, в которой записывается, кто должен жить, а кто умереть, в моем случае — кто погибнет в авиакатастрофе, а кто, как я,

выживет. Та авиакатастрофа прояснила в моем сознании то, что долгие годы оставалось неясным.

Недавно после двенадцатилетнего перерыва я побывал в Израиле. Я дал там четыре представления. Это был далеко не первый мой визит в Святую Землю, но я переживал восхитительные ощущения и неимоверную радость от того, что имел возможность вновь все увидеть. Когда меня и мою жену проводили в наш номер в гостинице, я был чрезвычайно растроган: на всех предметах — полотенцах, постельных принадлежностях, банных халатах — были выведены мои инициалы. Моя жена напомнила мне: «Дорогой, это же отель «Царь Давид». Я подошел к окну и увидел открывающуюся панораму на вид Старого города, стены времен Османской империи, поросшие травой и цветами. Я вспомнил, что первый раз этот вид открылся передо мной сорок лет назад, когда я приезжал в Израиль со спектаклем «Фокусник» — о человеке, пережившем Холокост, который потерял свое еврейство и обрел его вновь в Израиле.

Но тогда из этого же окна на месте цветов и травы я видел арабских солдат в грязной военной форме. Тогда же я нанес визит бывшему премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону в его офисе-трейлере. После нескольких первых минут он прервал меня: «Идите делать свой спектакль — «У меня есть страна, куда убежать». Израиль в то время переживал голод, пища выдавалась по карточкам, каждому полагалось одно яйцо в месяц. Но при этом я не видел ни одного недовольного — напротив, все выглядели счастливыми. Конечно, я знал много молитв, но никогда ранее не знал фразы, выученной мною тогда и произнесенной на иврите: «Ани роце леабир эт симхати а-раба леиздамнут ашер натна ли ливакер Исраэль, а-арец а-ктана, бе мидата вэ а-гдола бе-руха» — «Я счастлив, что имею возможность посетить землю Израиля, такую маленькую по своим размерам, но такую большую по своему духу».

Я с того первого раза побывал в Израиле не однажды и смог убедиться воочию, что большинство из этих устремлений воплотились в реальность. Я ощутил, как изменился Израиль и сколько нового здесь произошло. Но самое важное и ценное — это незбылемое старое. Именно оно привело меня сюда. Даже не переодевшись, я отправился к Стене Плача. Энергия, исходящая от всех молящихся, была потрясающей. Я с трудом пробрался сквозь толпу, чтобы прикоснуться к Стене, и огляделся в поиске места, куда бы я мог положить свою записку с просьбой, и когда я нашел и опустил ее в глубь стены, мои пальцы нащупали множество других записок. Я очень надеюсь, что все эти просьбы будут выполнены.

На другой день я совершил прогулку по туннелю Западной стены, уходящему глубоко вниз под мусульманский квартал. Медленно продвигался я со своим гидом, ощупывая камни, покрывающие подножие разрушенного Храма.

Затем мы сделали кратковременный привал. Мой гид — девушка, приехавшая в Израиль из Петербурга, внезапно произнесла: «Это подножие горы Мориа». Я посмотрел на черный камень. «Гора Мориа? — переспросил я. — Вы имеете в виду...» Она закончила за меня: «Да, именно сюда привел Авраам своего сына Исаака, чтобы принести его в жертву». В моей памяти всплыла картинка из школьного учебника. Но она больше не пугала меня. Теперь я уже знал, что Авраам жил в то время, когда принесение ребенка в жертву идолам было обычным делом. Урок, преподнесенный Б-гом на горе Мориа, заключался в том, что Он не хочет человеческих жертв и не является источником страха. В туннеле было спокойно и прохладно. Голос моего гида перешел в шепот: «Здесь все начиналось». От волнения я не мог говорить. Она была права. Место представляло собой начало моих сомнений. И в то же время — их конец. Вот темный туннель, касающийся горы Мориа. Я вырос...

В тот вечер я встречал Шаббат в доме рабби Аарона, молодого раввина, школа которого находилась в центре еврейского квартала. Мы пели субботние песни. Через окно я мог видеть другие дома, освещенные мерцанием свечей, и слышать отголоски других песен в ночи. Это были счастливые песни, и мне было необычайно хорошо. В эту ночь я почувствовал, что наконец-то вернулся домой. И еще я знал, что мое путешествие не окончено. Мне предстоит еще долгий путь. Иудаизм — это целая жизнь, проведенная в учении, а я еще в самом ее начале. Я надеюсь, что еще не слишком поздно. Если Б-г терпелив, возможно, он даст мне время познать все необходимое, чтобы понять, что делает нас, евреев, совестью мира.

МНЕНИЕ

К ДРУЗЬЯМ-МОСКАЛЯМ

Окончание. Начало на с. 1

Поэтому я лучше расскажу вам о том, что примиряет меня с немцами. А учитывая то, что я вырос в семье, потерявшей в годы войны и Холокоста большую часть старшего поколения, это не такое уж простое примирение. А кроме того, уже в зрелом возрасте я понял, что немецкие евреи вовсе не чувствовали себя чужими среди немцев, а многие из них — да что там многие, почти все! — воспринимали себя в качестве немцев иудейского вероисповедания. И я вас уверяю, что к поголовному истреблению своими соотечественниками эти люди были готовы еще в меньшей степени, чем украинцы — к нападению России.

Так вот, с немцами меня примиряет не то поголовное раскаяние и смирение, которое мы наблюдаем в послевоенной Германии, — я не верю в поголовное раскаяние и уж тем более в поголовное раскаяние побежденных, — а один-единственный человек — Вилли Брандт. Глава правительства Германии, который встал на колени перед памятником героям восстания в Варшавском гетто. Это знаменитая фотография, ее знает каждый, кто интересовался историей. Но всегда, когда я бываю в Берлине, я захожу в музей Вилли Брандта на Унтер-ден-Линден и смотрю на эту фотографию. И потом дальше живу в Германии.

Я не знаю, как вам еще это объяснить. Мне кажется, это просто. Брандт не имел никакого отношения к преступлениям гитлеризма. Ну вообще никакого. Он покинул Германию фактически сразу же после прихода Гитлера к власти. Он боролся с нацизмом все годы существования режима. Он стал норвежским гражданином и вернулся на

родину в норвежской же военной форме. Он мог спокойно — и даже безучастно — смотреть на памятник людям, к убийству которых он не имел никакого отношения, более того — делал все что мог, чтобы такого не произошло.

Но он ощущал ответственность — потому что чем больше твоя непричастность, тем больше твоя ответственность перед жертвами режима, установленного в твоей собственной стране. Неважно, один народ или два. Неважно, что вам говорят или пишут украинцы, — вы даже не представляете, что могли бы написать евреи в 1970 году федеральному канцлеру Германии. Важно, чтобы у вас возникло именно это желание, хотя бы мысленно — постоять на коленях у могилы каждого украинского парня, каждой девушки, забытых вашим безумным государством. Только это желание. Никаких других. Не нужно учить нас жизни, радоваться нашим пейзажам и продуктам. Не нужно приезжать к нам на форумы интеллигенции и рассказывать нам о коррупции. Нам нужно от вас только это, поймите. Это единственное, что еще может когда-нибудь, через десятилетия, нас примирить, — ваше раскаяние, ваше понимание нашей боли. И чем яснее ваша непричастность к вашему государству и тому аморальному дикому большинству, которое его населяет, тем глубже должно быть это понимание и эта готовность к раскаянию. Раскаянию за других.

Возможно, вы не можете понять этого до конца еще и потому, что для многих из вас происходящее — чужая война. Ведь она происходит не на вашей, а на нашей земле. И те же псковские десантники, могилы которых с риском для жизни искал Лев Шлосберг, — они жили в мире, с которым

каждый из вас никогда не соприкасается. А на моей школе в Киеве теперь мемориальная доска в память одного из ребят, погибших в Донецком аэропорту. Этот парень был другом моих коллег и знакомых, это, как говорится, одно касание. Это мой мир. Это моя война.

...Однажды в дни боев за Донецкий аэропорт я стоял на бульваре Леси Украинки недалеко от собственного дома — а живу я рядом с военным госпиталем. Обычный день, люди спешат по своим делам, никто ничего не замечает. И вдруг появляется вереница машин скорой помощи. Проходит минута, другая, пятая, десятая, пятнадцатая — а они все едут и едут, едут и едут — и нет им конца. И люди, которые спешили по бульвару, стоят и смотрят вслед этим машинам. Просто стоят и смотрят. Без слов. Без слез.

Что вы еще хотите узнать о нас? Какая вам, в конце концов, разница, кем мы с вами были — хотя бы в ваших фантазиях, — если вы знаете, кем мы с вами стали? Поймите, что мое личное отношение к каждому из вас не изменится оттого, что вы там думаете о прошлом и даже о настоящем наших двух стран. И ваша поддержка Украины в трудную минуту делает вам честь, что бы вы ни думали об одном или о двух народах. Но повзрослейте уже, пожалуйста. Научитесь, наконец, отвечать за собственное государство. За его преступления и его ошибки. Поймите, что степень вашей ответственности стократно выше, чем степень ответственности преступников и глупцов.

Потому что именно от этого понимания зависит не наше, а ваше собственное будущее.

Виталий Портников

Государство Израиль создало УНИКАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ для репатриантов из Украины и сейчас самое время ПРИНЯТЬ ПРАВИЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ!

קרן לידידות
Фонд дружбы
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ИЗРАИЛЬ!

Фонд Дружбы выделяет евреям Украины:

- Специальные ежемесячные авиарейсы в Израиль
- Денежный подарок для легкой адаптации в стране
 - Помощь в абсорбции
 - Помощь в трудоустройстве
- Помощь в образовании и переквалификации

Все это в дополнение к обычным льготам репатриантов!

За дополнительной информацией обращайтесь
По телефонам: (066)0702827, (095)3373468,
(098)8438774, (093)3295846

Пишите на эл.почту: yedidut.kiev@gmail.com
Ищите нас в Фейсбуке, ВКонтакте и
в Одноклассниках

«Дайджест • Е»

Учредитель: ХОК «Дробицкий Яр»

Издатель: Харьковский музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор **Лариса Воловик**
Верстка **Сергея Рожкова**

Наш адрес: 61024, Украина,

Харьков, ул. Ярослава Мудрого, 28

Телефоны редакции:

(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>

E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.com

Типография издательства «Харків»
Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 18.01.2016 г.

Заказ №6-003

Подписной индекс 21785

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»